

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 2 (87). С. 248–255.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2026. Vol. 2 (87). P. 248–255.

Научная статья

УДК 314.6

doi: 10.54398/1818-510X.2026.87.2.022

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК КОНТЕКСТ ТРАНСФОРМАЦИИ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ БРАКОВ

Барина Наталья Геннадиевна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва,
Россия

ngbuae@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-6112-9199>

Аннотация. Статья посвящена осмыслению влияния глобализации на процессы формирования и развития кросс-культурных брачных союзов, что представляет собой актуальную и недостаточно исследованную социально-философскую проблему. Цель исследования – анализ трансформации идентичности, коммуникации и этики отношений в контексте глобализационных процессов. В качестве теоретико-методологической рамки использованы феноменологическая и герменевтическая традиции, которые позволяют рассматривать кросс-культурный брак как событие бытия, раскрывающее смысл совместного существования в эпоху глобализации. Источниковая база статьи опирается на работы М. Бубера, Э. Левинаса, М. Бахтина, Х.-Г. Гадамера, а также на концепции глобализации З. Баумана, У. Бека и А. Аппадуры. Результаты исследования показывают, что переход от страха перед инаковостью к этике диалога и совместности становится фактором, способствующим увеличению числа кросс-культурных супружеских союзов. Глобализация как контекст при этом выступает амбивалентным процессом: с одной стороны, она расширяет возможности межкультурного взаимодействия и способствует росту кросс-культурных браков, с другой – воспроизводит социальные неравенства и постколониальные асимметрии. Кросс-культурный брак осмысливается как микромодель глобальных процессов, в которой пересекаются личное и универсальное, интимное и культурное.

Ключевые слова: глобализация, кросс-культурный брак, межкультурный брак, инаковость, идентичность, диалог культур, этика диалога, микро-модель глобальных процессов, философская антропология, социальная онтология

Для цитирования: Барина Н. Г. Глобализация как контекст трансформации кросс-культурных браков // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 2 (87). С. 248–255. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.87.2.022>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

GLOBALIZATION AS A CONTEXT FOR THE TRANSFORMATION
OF CROSS-CULTURAL MARRIAGES

Nataliya G. Barinova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ngbuae@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-6112-9199>

Abstract. This article explores the impact of globalization on the formation and development of cross-cultural marriages, a highly relevant and understudied socio-philosophical issue. The study aims to analyze the transformation of identity, communication, and relationship ethics in the context of globalization. Phenomenological and hermeneutic traditions serve as a theoretical and methodological framework, allowing us to consider cross-cultural marriage as an existential event that reveals the meaning of coexistence in the era of globalization. The article draws on the works of M. Buber, E. Levinas, M. Bakhtin, and H.-G. Gadamer, as well as the globalization concepts proposed by Z. Bauman, W. Beck, and A. Appadurai. The findings indicate that the transition from a fear of otherness to an ethic of dialogue and co-existence is becoming a factor promoting the growth of cross-cultural marriages. Globalization as a context, however, is an ambivalent process: on the one hand, it expands opportunities for intercultural interaction and fosters the increase of cross-cultural marriages, while on the other, it reproduces social inequalities and postcolonial asymmetries. Cross-cultural marriage is conceptualized as a micromodel of global processes, where the personal and the universal, the intimate and the cultural, intersect.

Keywords: globalization, cross-cultural marriage, intercultural marriage, otherness, identity, dialogue of cultures, ethics of dialogue, micro-model of global processes, philosophical anthropology, social ontology

For citation: Barinova N. G. Globalization as a Context for the Transformation of Cross-Cultural Marriages. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2026, no. 2 (87), pp. 248–255. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.87.2.022> (In Russ.).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

В современном мире глобализация стала ключевой тенденцией, определяющей характер и направление развития множества процессов, включая социокультурные. Она не только расширяет пространство контактов и делает культурные границы все более проницаемыми, но и радикально трансформирует способы самоидентификации человека, его отношение к инаковости и к своим собственным культурным корням. В этих условиях кросс-культурный брак давно перестал быть маргинальной практикой, стал феноменом эпохи, превратился в форму жизни, в которой сосредоточены ключевые противоречия глобальной современности.

Несмотря на видимую распространенность и социокультурную значимость, феномен кросс-культурного брака до сих пор остается слабо осмысленным на философском уровне. На первый взгляд, тема брака принадлежит сфере интимного, частного, социально-нормативного: супружество традиционно является объектом внимания антропологии, психологии, социологии семьи и юриспруденции. Философский же угол зрения усматривает в браке не просто форму социальной связи, но событие бытия, в котором раскрывается тайна Иного. Это универсальная и одновременно уникальная форма встречи с Другим, форма становления человеческого Я в пространстве неустранимого различия. Кросс-культурный брак, несомненно, радикализирует эту ситуацию. В отличие от монокультурного, он обнажает разрывы, которые в «гомогенной» культурной среде как вызовы могут быть неочевидны. Он обостряет саму природу инаковости, делая различие между Я и Другим не только личностным, но культурным – ценностным, языковым, ритуальным, телесным.

Важные основания для осмысления темы инаковости и диалога культур были заложены в трудах М. Бубера, Э. Левинаса, М. Бахтина, Х.-Г. Гадамера, П. Рикёра, а также в постструктуралистской и постколониальной традициях – в работах Ж. Деррида, Г. Ч. Спивак, Ч. Моханти и других авторов. Современные исследователи глобализации в лице З. Баумана, У. Бека, А. Аппадурай, Д. Харви акцентируют внимание преимущественно на радикальных изменениях характера человеческих связей, мобильности и трансформации идентичности в «жидкой» современности. Однако феномен кросс-культурного брака в этих контекстах чаще выступает лишь как иллюстрация, как эмпирический пример, а не как самостоятельный философский объект анализа. Недостаточно изученным остается вопрос о том, каким образом кросс-культурный брак воплощает и одновременно рефлексивирует процессы глобализации? Каким образом интимная сфера супружества становится пространством проживания опыта культурной инаковости? Настоящая статья предлагает один из возможных путей восполнения этого теоретического пробела: с опорой на феноменологическую и герменевтическую традиции как теоретико-методологическое основание кросс-культурный брак рассматривается как онтологическая форма диалога культур и как микромодель глобализационного процесса.

Кросс-культурный брак и проблема инаковости

В мифологическом сознании традиционных и архаических обществ пространство мира структурировалось как оппозиция центра (Своего) и периферии (Чужого) [8, с. 13]. Чужой был носителем угрозы. Это не просто другой человек, но воплощение иного бытия, которое может быть небезопасным для целостности мира Своих: он мог разрушить порядок, поставить под сомнение нормы и традиции, а значит, подорвать стабильность сообщества. С философской точки зрения можно предположить, что страх перед Чужим в данном контексте проистекает из необходимости поддерживать онтологическую устойчивость идентичности. Встреча с радикальной инаковостью разрушает привычные схемы восприятия и одновременно требует пересмотра собственного Я.

Вплоть до XX в. Другой воспринимался как угроза целостности бытия: он ставил под вопрос не только социальные нормы, но и саму картину мира. Философия XX–XXI вв. постепенно предложила новую оптику отношения к инаковости, перестав усматривать в ней риск и начав видеть в ней источники смысла и самопонимания. Так, у Левинаса Другой – это не опасность, а вызов к ответственности: взгляд Другого открывает горизонт этики, в котором субъект выходит за пределы самого себя [6, с. 298]. М. Бубер в диалоге «Я – Ты» показал, что подлинное существование возможно только через признание инаковости как со-бытия [4, с. 36]. У М. Бахтина категория «чужого слова» становится основой понимания культуры как диалогического пространства [2, с. 407]. В развитие логики данного философского сдвига глобализация может быть осмыслена как онтологическое расширение диалогичности. Если раньше границы между культурами воспринимались как естественные, то сегодня они становятся проницаемыми, различие становится нормой. Миграции, цифровые коммуникации и медиа создают эффект постпограничного мира, в котором Чужой оказывается рядом, в зоне непосредственного ежедневного опыта, он перестает быть абстракцией и становится конкретным, видимым, соседствующим. Современные реалии насыщены культурными перекрестками, через которые инаковость постепенно встраивается в ткань повседневности: мы приобретаем иностранные товары, используем в пищу экзотические продукты, слушаем музыку и общаемся с людьми из других культур. Социальные сети создают иллюзию близости и общности, выходящей за пределы традиционных ограничений, и приглашают современного человека к открытости Другому, к восприятию и признанию множественности со-существующих способов бытия и смыслов. В результате Чужой больше не противопоставляется априори как враг, поскольку становится частью нашего

мира представлений, он включен в структуру повседневности и осмысливается не как угроза, а как возможность и условие самопонимания, как зеркало для осмысления самого себя. Таким образом, глобализация становится пространством, в котором инаковость нормализуется: встреча с Другим перестаёт быть событием и становится фоном существования. Чужой перестаёт быть опасным, потому что перестаёт быть чем-то необычным и непредсказуемым.

Кросс-культурный брак представляет собой максимально конкретную реализацию этого философского поворота. Он, по сути, наглядно воплощает собой то, о чем писали мыслители экзистенциального и феноменологического направлений, осмысливая встречу с Другим как путь к расширению собственного Я. В браке с представителем другой культуры Чужой становится частью личного опыта, частью интимного мира. В условиях повседневной совместности инаковость супруга перестаёт восприниматься как нечто внешнее, отчужденное и постепенно включается в пространство доверия, физической близости и эмоциональной вовлеченности. Именно в этом процессе трансформации отношения к Другому формируется качественно новый опыт со-бытийности, который можно рассматривать как форму антропологического синтеза, в которой различие перестаёт быть дестабилизирующим фактором и при определенных условиях обретает потенциал становления внутренней силой, структурирующей субъективность.

В экзистенциальном эксперименте под названием кросс-культурное супружество формируется уникальное пространство для реализации идеи интеграции различий без их уничтожения. Такой союз олицетворяет собой концепт, близкий к тому, что Х. Г. Гадамер называл «слиянием горизонтов» – когда два культурных мира, не теряя своей специфики, создают новое общее пространство смысла [5, с. 363]. Тем самым кросс-культурный брак можно рассматривать как символ преодоления «чуждости», как наглядную живую модель философского диалога культур: здесь инаковость не устраняется, она включается в структуру бытия, а культура не просто передается, она тестируется, видоизменяется, приобретает новые формы. Чужой теперь не разрушает порядок, а становится условием его обновления, открывая возможности выйти за пределы собственной культуры и, тем самым, обрести более объемное понимание человеческого.

Глобализация как философский контекст

Итак, кажется, что вопрос о кросс-культурном браке невозможно развернуть в полной философской глубине, не учитывая контекст глобализации – процесса столь масштабного, что он затрагивает не только экономические и политические структуры, но и интимные формы человеческого бытия. Глобализация – это не просто объединение рынков или ускорение потоков информации, но и антропологическое событие, связанное с изменением способа человеческого бытия-в-мире. Это компрессия пространства и ускорение времени, «временно-пространственное сжатие», о котором пишет Д. Харви [7, с. 565]. Это также радикальный сдвиг в режимах повседневности, описанный З. Бауманом как переход в состояние «жидкой» современности, в которой все формы социальной жизни становятся нестабильными, гибкими и подвижными, в том числе любовь, семья, идентичность [1, с. 8]. У. Бек указывал, что глобализация сопряжена с «производством неопределенности» [3, с. 96–98] и «переизбытком выборов» [3, с. 191–201], а антрополог А. Аппадурай подчеркивал, что глобальные культурные потоки создают не просто смешение культур, но новое напряженное пространство, в котором культурная устойчивость становится проблематичной [9, с. 27–47]. В этой подвижной атмосфере человек теряет прежнюю укорененность и включенность в такие стабильные коллективы, как этнос, род, община. Такие традиционные признаки, как место жительства, язык, вероисповедание, больше не гарантируют культурной однородности и не исчерпывают представлений о культурной

принадлежности человека. Разрушая замкнутые идентичности, глобализация тем самым создает условия для возникновения новых типов связи, в том числе и брачных.

Иными словами, глобализация – это не просто фон, а активный соучастник, двигатель и одновременно поле напряжения, в котором пересобираются формы социальности, идентичности и любви. В этой рамке и возникает современная форма кросс-культурного супружества – не как экзотическая аномалия, а скорее как симптом тектонических сдвигов в устройстве культурного и социального мира, как продукт своего времени.

Вместе с тем, если, с одной стороны, глобализация открывает новые горизонты межкультурного взаимодействия, то с другой – она обнажает и обостряет существующие структурные неравенства, проявляющиеся в неравномерности распределения ресурсов, власти и признания. Современные онлайн-платформы, транснациональная мобильность, академическая и трудовая миграция создают инфраструктуру межкультурных контактов и встреч. На этом фоне границы все чаще переживаются как условные, а культурная инаковость – как потенциальная привлекательность и ресурс притяжения, включенный в логику индивидуального выбора. Браки между представителями разных стран и культур заключаются статистически чаще и становятся логистически проще. Люди разных возрастов, национальностей и профессий могут встречаться, влюбляться и вступать в брак, не покидая собственных квартир – через экраны своих гаджетов. И вот, казалось бы, любовь освобождена: никто не мешает вступать в союз по зову сердца, а не по предписанию культуры или семьи. Но при этом глобальный рынок отношений не является нейтральным, за фасадом прогресса кроется явная неравномерность: глобализация структурирована по линиям власти, капитала, расовой и гендерной иерархии. Закономерно появляются формы брака, сопряженные с обозначенными асимметриями, – так называемые «браки по расчету», союзы, мотивированные иммиграцией или экономическим продвижением. Постколониальная критика в лице таких авторов, как, например, Г. Ч. Спивак и Ч. Моханти [10; 11], указывает, что в таких браках не все субъекты действуют с равным уровнем свободы и выбора. Структурные неравенства (особенно между «центром» и «периферией», Севером и Югом, мужчинами и женщинами) отражаются в личных решениях и союзах, подчиненных логике не любви, а социальной мобильности, выживания или ассимиляции. Зачастую женщины из Юго-Восточной Азии, Восточной Европы, Латинской Америки активно вступают в браки с мужчинами из Западной Европы, США, Персидского Залива, Южной Кореи или Японии не потому, что культурный диалог равноправен, а потому что глобальный рынок отношений работает как рынок – с ценами, спросом и символическим капиталом.

Таким образом, кросс-культурный брак в эпоху глобализации не является чистым выражением любви вне границ. Он возникает на пересечении возможностей и ограничений, между либерализацией отношений и глубоко укорененными асимметриями – экономическими, политическими, этнокультурными, гендерными и образовательными. Глобальная динамика трансформирует кросс-культурный брак не линейно и не освобождающе, а амбивалентно: она не просто дарует свободу любить «любого», но, по-видимому, переопределяет внутреннюю логику любви, вовлекая ее в экономику неравенства. В этом напряженном поле универсализм сосуществует с иерархиями, а открытость – с неравенством, так что любовь предстает не как бегство от реальности, а как способ в ней навигировать. В этом смысле кросс-культурный брак в глобализованном мире парадоксален: он не столько отменяет границы, сколько обнажает их глубину. Там, где кажется, что все возможно, на деле могут действовать тонкие механизмы контроля, ожиданий и явного или неявного насилия. Но одновременно с этим сохраняется и огромный потенциал кросс-культурного супружества: оно способно стать актом сопротивления этим асимметриям,

если его субъекты их осознают и стремятся реализовать брак как пространство диалога и совместного смысла.

Кросс-культурный брак как микросцена глобализации

Феномен кросс-культурного брака имеет важное аналитическое значение, поскольку позволяет рассматривать глобальные процессы не только на уровне абстрактных макросоциальных моделей, но и через призму конкретного человеческого существования – в рутине семейной жизни, телесной близости и эмоциональных напряжениях, которые ускользают от любой теоретической формализации. Такой тип супружества, как представляется, выступает формой социальной и экзистенциальной совместности, в рамках которой пересечение культур приобретает конкретное личностное измерение. В этом смысле он может быть осмыслен как микросоциальное воплощение глобализации в ее духовно-смысловом измерении – как пространство трансформации идентичности, семейных ролей и переосмысления любви как универсального языка межкультурного взаимодействия.

Каждый такой брак становится полем, где непрерывно осуществляется кросс-культурный перевод не только языка, но и норм, обычаев, эмоций, способов выражения и понимания любви. В этой зоне декодируются различные системы смыслов от ритуалов до представлений о теле, времени и долге. Супруги учатся считывать друг друга сквозь призму разных культурных кодов – юмора, интонаций, ожиданий. Так, молчание для одного может быть формой уважения, а для другого это будет верным признаком обиды. Один может быть склонен демонстрировать свои чувства открыто, тогда как для другого моральный идеал – сдержанность. Эти несоответствия требуют не только терпимости, но и выстраивания индивидуальной интерпретивной этики для каждой семьи, в которой понимание Другого формируется не заранее, а в процессе совместного проживания и постоянного считывания культурных кодов. Такой подход, кажется, позволяет супругам постепенно создавать устойчивый способ взаимодействия, где различия перестают быть препятствием и становятся ресурсом для совместного осмысленного существования.

Кросс-культурный союз редко ограничивается простым сосуществованием двух разных систем ценностей и норм. Он предполагает выстраивание «третьего пространства» – совместной среды, в которой супруги учатся взаимодействовать. Там, где возникают недопонимания и противоречия, пара сталкивается с необходимостью выработать гибридные решения, пересматривать привычные модели поведения и синтезировать новые общие смыслы. Этот процесс часто сопровождается трудностями, когнитивным и эмоциональным напряжением, поскольку требует пересмотра личной идентичности и признания того, что полный синтез культурных кодов не всегда достижим. Кросс-культурный брак в ходе своего развития может в определенные моменты обнаруживать пределы взаимного понимания и сопротивление процессам культурной гибридизации. Он может становиться зоной крайнего напряжения, где различия обнаруживаются на разных уровнях – от бытового до мировоззренческого – и где успешный «перевод» оказывается крайне затруднительным. Эти узлы непонимания напоминают о непрозрачности инаковости и асимметрии культурных логик, показывая, что не все может быть полностью синтезировано. Вместе с тем именно в столкновении с различиями формируется возможность развития отношений: супруги учатся договариваться, учитывать чужую перспективу, развивать эмпатию и гибкость мышления. Таким образом, в кросс-культурном союзе точки непонимания имеют потенциал быть не только источниками напряжения, но и узлами роста, где формируется более зрелая, устойчивая и глубокая форма близости.

Все три выделенные линии – кросс-культурный перевод, ценностный синтез и культурное напряжение – подтверждают, что кросс-культурный брак может рассматриваться как микрокосм глобализации, поскольку в нем, как представляется, воспроизводятся ключевые процессы современного мира: миграции, культурные

столкновения, вопросы идентичности и распределения власти, языковые и коммуникативные барьеры, социальное и экономическое неравенство, трансформацию семейных и гендерных ролей, а также пересмотр ценностей и норм межкультурного взаимодействия. Но здесь, в частной жизни двух людей, они неразделимы от надежды, любви, боли и страха. Именно в браке как пространстве самой интимной социокультурной близости глобализация перестает быть сухой теорией и становится реальным опытом, позволяя наблюдать ее изнутри субъективного переживания. Противоречия глобализации оказываются не «где-то там», в экономике или геополитике, а проникают в сферу интимных отношений, переплетаясь с привычками, выборами и ежедневными компромиссами супругов. Здесь испытываются пределы взаимопонимания, способность к гибкой адаптации и готовность пересмотреть собственные устои, обнаруживая одновременно и трудности и неожиданные возможности совместного роста. Именно в таком браке мы сталкиваемся с вопросами: возможна ли любовь без общего языка? Возможно ли совместное будущее без совпадения в представлениях о прошлом? Как возможно быть с Иным, не уничтожая его инаковости? Как возможно со-бытие, не сводимое к ассимиляции или компромиссу? Как рождаются ценности в пространстве, где нет общего кода? Все это вопросы философские по своей сути, и именно через них кросс-культурный брак приобретает философское измерение.

Выводы

Предоставляя беспрецедентные условия – мобильность, цифровые технологии, пересечение жизненных траекторий, глобализация радикально трансформирует способы восприятия и переживания инаковости. Жесткая дихотомия «Свой – Чужой» постепенно размывается и становится частью повседневного опыта, создавая возможность перехода от страха перед инаковостью к практике этики диалога и совместного существования. В этих условиях кросс-культурный брак становится пространством интенсивного контакта с различием, где оно утрачивает абстрактный характер и приобретает экзистенциальную значимость, порождая одновременно как зоны уязвимости, так и потенциал взаимного обогащения.

Вместе с тем за кажущейся открытостью сохраняются структурные асимметрии глобального порядка. Экономическое неравенство, различия в правовом статусе, гендерные и символические иерархии, а также неравный доступ к культурному и социальному капиталу формируют скрытые поля власти внутри межкультурных браков. В результате свобода выбора и мобильности, провозглашаемая глобализацией, сосуществует с уязвимостью и зависимостью, делая кросс-культурный брак пространством пересечения не только культур, но и неравных позиций в глобальном социальном порядке.

В наши дни кросс-культурный брак не может рассматриваться ни как маргинальный феномен, ни как исключительно частное событие. Его стоит осмысливать как микромодель глобальных процессов, в которой пересекаются личное и универсальное, интимное и культурное. В этом смысле такой брак – не просто следствие глобализации, но и пространство ее рефлексии. Он ставит вопросы, которые невозможно обойти: способен ли глобальный мир стать устойчивым домом для множественности, не сводя ее к ассимиляции или поверхностной терпимости? Кросс-культурное супружество не только отражает глобальные тенденции, но в определенном смысле предвосхищает их, демонстрируя, какие формы человеческого существования возможны в условиях жизни «между мирами». Это пространство эксперимента, в котором проверяются границы взаимопонимания, этики, культурной гибкости и самой возможности бытия-вместе без утраты инаковости на основе непрерывного диалога, ответственности и рефлексивного усилия.

Список источников

1. Бауман, З. Текучая современность / З. Бауман. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 240 с.
2. Бахтин, М. Проблемы поэтики Достоевского / М. Бахтин. – Санкт-Петербург : Азбука-Аттикус, 2015. – 412 с.
3. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – Москва : Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
4. Бубер, М. Я и ты / М. Бубер // Мартин Бубер. Два образа веры. – Москва : Республика, 1995. – С. 16–92
5. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – Москва : Прогресс, 1988. – 704 с.
6. Левинас, Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное / Э. Левинас. – Москва – Санкт-Петербург : Университетская книга, 2000. – 416 с.
7. Харви, Д. Состояние постмодерна: Исследование истоков культурных изменений / Д. Харви. – Москва : Высшая школа экономики, 2021. – 576 с.
8. Элиаде, М. Священное и мирское / М. Элиаде. – Москва : Московский гос. ун-т, 1994. – 144 с.
9. Appadurai, A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization / A. Appadurai. – Minneapolis ; London : Univ. of Minnesota Press, 1996. – 229 p.
10. Mohanty, C. T. Insurgent Visions: Feminism, Justice, Solidarity / C. T. Mohanty. – Duke University Press, 2025. – 272 p.
11. Spivak, G. C. A Critique of Postcolonial Reason: Toward a History of the Vanishing Present / G. C. Spivak. – Harvard : Harvard University Press, 1999. – 464 p.

References

1. Bauman, Z. *Tekuchaya sovremennostj* [Liquid modernity]. Saint Petersburg: Piter; 2008, 240 p.
2. Bahtin, M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Saint Petersburg: Azbuka-Attikus; 2015, 412 p.
3. Beck, U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society. Towards a New Modernity]. Moscow: Progress-Traditsia; 2000, 383 p.
4. Buber, M. *Ya i ty* [I and Thou]. *Buber M. Dva obraza very* [Two images of faith]. Moscow: Respublika; 1995, pp. 16–92.
5. Gadamer, H.-G. *Istina i metod: Osnovy filosofskoy germeneytiki* [Truth and Method. The Basics of the Philosophical Hermeneutics]. Moscow: Progress; 1988, 704 p.
6. Levinas, E. *Izbrannoe. Totalnost i Beskonechnoe* [Selected. Totality and Infinity]. Moscow-Saint Petersburg: Universitetskaya kniga; 2000, 416 p.
7. Harvey, D. *Sostoyanie postmoderna: Issledovanie istokov kulturnykh izmeneniy* [The condition of postmodernity: an enquiry into the origins of cultural change]. Moscow: Higher School of Economics; 2021, 576 p.
8. Eliade, M. *Svyashennoe i mirskoe* [The Sacred and the Profane]. Moscow: Moscow State University; 1994, 144 p.
9. Appadurai, A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis; London: Univ. of Minnesota Press; 1996, 229 p.
10. Mohanty, C. T. *Insurgent Visions: Feminism, Justice, Solidarity*. Duke University Press; 2025, 272 p.
11. Spivak, G. C. *A Critique of Postcolonial Reason: Toward a History of the Vanishing Present*. Harvard: Harvard University Press; 1999, 464 p.

Информация об авторе

Баринаева Н. Г. – соискатель.

Information about the author

Barinova N. G. – applicant.

Статья поступила в редакцию 05.02.2026; одобрена после рецензирования 27.02.2026; принята к публикации 31.03.2026.

The article was submitted 05.02.2026; approved after reviewing 27.02.2026; accepted for publication 31.03.2026.